

ОТЗЫВ

о диссертации Светланы Сережаевны Барсегян
«Лингвокультурные характеристики армянско-русского билингва»
на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.04 – «Славянские языки»

Сегодня радостный день. Радостный потому, что мы все сегодня присутствуем на защите диссертации выстраданной – в хорошем смысле этого слова –, а такие работы, как правило, приводят к хорошим результатам. Оставив за диссиденткой ее функцию подробного представления своего исследования, остановлюсь на самых, на мой взгляд, интересных и достойных внимания положениях оппонируемой диссертационной работы.

Итак, представленную к защите кандидатскую диссертацию С.С. Барсегян следует приветствовать по нескольким причинам. Привлекает, во-первых, сама тема исследования – описание армянско-русской билингвальной личности. Вопросы билингвизма, языковой личности – это проблемы, находящиеся в фокусе пристального интереса лингвистов в последние десятилетия, что объясняется интенсификацией языковых и культурных контактов вследствие многочисленных социокультурных факторов. Не случайно поэтому, что автор провел свое исследование в русле антропоцентрической лингвистики, в частности, лингвокультурологии, социолингвистики, когнитивной лингвистики и межкультурной коммуникации. Следовательно, работа носит междисциплинарный характер, что в духе сегодняшних научных исследований.

Проблемы сохранения культурно-языковой идентичности при языковом многообразии и языковых контактах, особенно когда «билингвальная языковая личность становится важнейшим медиатором между различными языковыми и культурными системами» (с. 4) сегодня приобретают особую важность и актуальность. С.С. Барсегян абсолютно права, когда считает одной из главных задач своего исследования «анализ речевых единиц дискурса армянско-русских билингвов с культурологической составляющей, в которых происходит интеграция языка и культуры» (с. 54). Диссидент справедливо рассматривает билингвизм как результат лингвокультурного взаимодействия и транскультурной коммуникации, рассматривает и лингвокультурные маркеры уровней организации билингвальной языковой личности, такие, в частности, как прецедентные феномены и квазицитация, анализирует транслингвальные коммуникативные стратегии в

дискурсе армянско-русских билингвов (это особенно важно и интересно!), такие как стратегии переключения кодов, лингвокреативность, языковая игра и т.д. Лингвокреативность и языковая игра рассматриваются как проявления когнитивной активности билингвальной языковой личности, а гибридизация и эрративизация описываются как продуктивные механизмы языковой игры в билингвальном дискурсе. Языковая игра, способность сознательного нарушения норм языка рассматривается как индикатор лингвистической компетенции адресанта, как проявление его креативности, отражая «сложную структуру культурной, когнитивной и коммуникативной гибкости индивида» и является, по словам автора, «проявлением не лингвистического дефицита, а лингвистического мастерства» (с. 136).

Говоря о новом типе двуязычия, транслингвальной коммуникации, С.С. Барсегян в качестве наиболее важной ее характеристики выделяет активный и речетворческий характер, в связи с чем предлагает к уже существующим добавить и новый, четвертый уровень – речетворческий, то есть лингвокреативный уровень организации языковой личности (с. 51). Диссертант приводит и интересную типологию билингвизма, что может стать отдельной темой дальнейших исследований.

Ключевым понятием в диссертации является языковая личность армянско-русского билингва. Если к проблемам билингвизма в разных его аспектах, как было сказано выше, обращались многие лингвисты, то армянско-русская языковая личность анализируется впервые. В «разработке концепции лингвокультурного портрета армянско-русского билингва» (с. 9) и заключается научная новизна исследования. Исходя из вышеотмеченного, вырисовывается **актуальность и важность** темы исследования, а также безусловная **новизна** работы.

К достоинствам автора диссертации следует отнести также хорошо проработанную методологию исследования с применением разных методик: это и метод опроса, и метод прямого наблюдения и мониторинга сети интернет. Совокупность этих методов дала возможность комплексного анализа билингвальной коммуникации, и такой подход позволил автору описать характеристики армянско-русских билингвов всесторонне.

К несомненным достоинствам работы следует отнести также определения и уточнения понятий и терминов, что отражает истинно научный подход диссертанта. Так, при существующем многообразии трактовок центрального понятия - понятия билингва, С.С. Барсегян аргументированно выдвигает в качестве рабочего определение, в котором «билингвом считается индивид, обладающий функциональной компетенцией во втором

языке, обеспечивающей успешную реализацию речевой деятельности в значимых для него коммуникативных и социокультурных контекстах» (с. 46). Очень подробно, со знанием разных теорий и подходов описывается в работе понятие языковой личности, и это дает автору основание сделать убедительный вывод о том, что «анализ ЯЛ требует комплексного подхода с использованием лингвокультурологических, социолингвистических и лингвопрагматических признаков, позволяющего сформировать полное и разноуровневое представление о ЯЛ» (с. 44). Анализ эмпирического материала дает основание утверждать о формировании «новой языковой реальности – креолизованного языкового пространства, отражающего бинарную идентичность носителя» (с. 11). Вообще понятие идентичности, «функция идентификации, через которую говорящий демонстрирует принадлежность к этноязыковому сообществу» (с. 159), как метко замечает диссертант, – понятие очень важное. В этом контексте лингвокультурный феномен «армянско-русский билингв» С.С. Барсегян характеризует как «конъюнкцию трех смыслов»: как носителя армянской, русской и «универсальной билингвальной идентичности, образующейся в результате постоянного взаимодействия и взаимопроникновения первых двух культурно-языковых систем» (с. 13). Здесь – важная мысль о множественности идентичности в различных своих ипостасях, в связи с чем на ум приходят замечательные строчки из Н. Заболоцкого: «Как мир меняется! / И как я сам меняюсь! / Лишь именем одним я называюсь, – / На самом деле, то, что именуют мной, / Не я один. / Нас много. / Я – живой».

Достойны внимания также следующие утверждения и выводы диссертанта: «"Двойная жизнь" (это определение А. Вежбицкой – Л.Б.) билингва предопределается "несогласованностью" между двумя лингвокультурными "мирами" и прагматическими структурами, что свидетельствует о сложной динамике когнитивных и культурных процессов у билингвов» (с. 77). Или: «... билингвальный дискурс армянско-русских билингвов является живым пространством языковой изобретательности, где коннотативная лексика, прозвища и ПФ служат одновременно средствами выражения идентичности и инструментами межкультурной коммуникации, подтверждая динамичную природу билингвальной личности, для которой языковая игра и креативность являются неотъемлемыми чертами» (с. 103).

Наконец, к достоинствам автора и его исследования следует отнести собранный богатый и разнообразный эмпирический материал, наличие схем и интересных приложений, усиливающих ценность работы, аргументированное изложение выдвигаемых

положений, логичность и стройность изложения, на редкость грамотно изложенный текст, очень хороший, глубокий анализ теоретической литературы, что отражено также в Списке литературы, включающем 211 наименований.

Жанр оппонентского дискурса предполагает выявление недостатков и недочетов с целью видеть работу более совершенной, что и будет сделано далее.

1. Одной из сильных сторон диссертации, как было отмечено выше, является подробное освещение в теоретической ее части основных понятий и терминов. При этом, однако, почему-то о явлении интерференции, которое тоже является одним из базовых, говорится вскользь на фоне детального рассмотрения других понятий и явлений (с. 19).

Термин «лингвомышление» лучше заменить на «языковое мышление» (с. 61), а «презумировать» в выражении «коннотация нами презумируется» (с. 57) – на «понимается», поскольку «презумировать» используется в основном в юридическом дискурсе.

2. Гипотеза Сепира-Уорфа известна все-таки как «теория лингвистической относительности», а «лингвистический релятивизм» (с. 38) – это скорее описательная характеристика одного из аспектов. Кроме этого, следует подчеркнуть, что, согласно этой теории, язык влияет не только на способ восприятия и мышления человека, как отмечает диссертант, правда, со ссылкой на некоторые теоретические источники, но и на поведение человека. В связи с данной гипотезой упоминается В. фон Гумбольдт как ее основоположник, правда, очень вскользь и не совсем точно (с. 38). А ведь идеи Гумбольдта лежат в основе современной антропоцентрической лингвистики.

«Собака лает, ветер носит (дует), а караван идет» – это полная форма одной, а не двух пословиц, как отмечается на странице 119.

Непонятно, почему в ряду исторических лиц (Ельцин, Горбачев, Ленин и др.) оказался и Мичурин (с. 211).

Имя Ալեն, при всей его распространенности среди молодых армян сегодня, не является армянским собственным именем, как отмечается на странице 143.

В выражении «авторская статья Барсегян С.С.» слово «авторская» излишне.

Слову «դիպլ» в русском соответствует либо «дхол», либо «армянский барабан». В лексеме «барабан» (с. 75) отсутствует армянская культурная сема.

Почему не указывается, что в примере № 10 (с. 207) отсылка к сказке «Колобок»? И вообще хорошо было бы указать источники прецедентных высказываний на страницах

207-208. Почему не объясняется «боша» в примере № 7, отличном от примера с «боша» (пример № 6, с. 65). Не объясняется и пример №27 (с. 75).

Хотелось бы узнать, по какому принципу выбирались фразеологизмы для проведения опроса (Приложение 1).

Хотелось бы также, чтобы С.С. Барсегян прояснила, насколько, до какой степени все-таки допустима языковая гибридизация, комбинированная «гибридная» речь в рамках билингвальной языковой практики.

3. Встретились и спорные положения, требующие уточнений.

Не совсем понятно, почему форма ласкового обращения «мамино солнышко» в художественном дискурсе Н. Абгарян рассматривается как трансформация формы клятвы «մամայի շրկ» (с. 61).

В названии «В Lovаше» (заведения street-food в Санкт-Петербурге, которое принадлежит армянину) гибридизацию посредством игрового смешения латиницы и кириллицы С.С. Барсегян объясняет через армянское «хорошо» и английское «любовь». Объяснение интересное. Однако думается, возможна и другая интерпретация: указание на армянскую реалию «лаваш».

Указанные выше недочеты не носят, как легко можно было заметить, принципиального характера и абсолютно не влияют на общее положительное впечатление, полученное от работы. В этой связи нельзя не процитировать высказывание Б. Рассела по поводу «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна: «Как человек, по собственному долгому опыту знакомый с трудностями логики и с обманчивостью теорий, кажущихся неопровергими, я не могу быть уверенным в правоте той или иной теории только на том основании, что я не могу видеть, в чем она ложна. Но построить теорию логики, которая ни в одном пункте не является очевидно ложной, – значит выполнить работу необычайной трудности и важности».

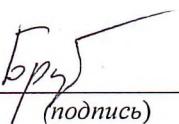
В том, что исследование будет продолжено и вширь, и вглубь, у меня нет никаких сомнений, учитывая как саму тематику, так и увлеченность ею докторанткой. Поэтому я бы предложила в дальнейшем исследовать билингвальные дискурсы с учетом всех pragматических факторов в разных их комбинациях: это и факторы коммуникантов, ситуации, цели и намерений, это и степень близости, и степень образованности, это и возрастные, статусные, гендерные и даже региональные различия.

Обобщу все вышесказанное. Итак, перед нами ценное и цельное исследование, исследование интересное, важное и актуальное, обладающее безусловной новизной.

Диссертация заполняет лакуны в области изучения билингвизма – и в этом ее теоретическая значимость. Она может иметь также широкую сферу применения, что говорит о ее важном практическом значении. Автореферат и публикации С.С. Барсегян отражают основное содержание диссертационной работы, а ее автор безусловно заслуживает присвоения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – «Славянские языки», о чем и ходатайствую перед Ученым советом.

Официальный оппонент:

д. филол. н., профессор

Л.Г. Брутян
(подпись)

Подпись д. филол. н., профессора Л.Г. Брутян заверяю.

Ученый секретарь Ереванского государственного университета

к. филол. н., доцент

М.В. Оганисян
(подпись)

16 января 2026 г.

Печать

